

22 ФЕВ 1974

Штрихи к портрету

ПОСТИЧЬ ДУШУ НАРОДА

Стремительным молодым движением открыла мне дверь энергичная, живая и быстрая женщина с яркой улыбкой. Годы отразились только белизной в ее волосах, пролегли узенькими тропинками на лице, но в глазах все тот же блеск и огонь.

— Здравствуйте, Елена Давидовна!

— Вы ко мне?—спросила она, протянув мне руку и крепко, по-мужски, пожав мою. И мне сразу же представилась та Леля Гогоберидзе, о которой я столько слышала от ее друзей,—совсем юная, по-мальчишески подтянутая, увлекающая всех всплесками своего озорства, принимающая у себя в гостях Бориса Пастернака и Георгия Леонидзе, Николая Заболоцкого и Симона Чиковани.

В гостеприимной семье Лундберг (муж Елены Давидовны)—Гогоберидзе не смолкал смех, не прекращалось веселое застолье, когда из Тбилиси приезжали милые их сердцу люди. И тогда у них собиралась почти вся литературная Москва, любящая и хорошо знающая край синих гор и мудрых шаири. И громче всех был слышен голос Лели, Елены Давидовны, что-то всем доказывающей, оспаривающей до хрипоты свою точку зрения, никогда не отступающей и не знающей поражений.

Студенческие годы Елены Гогоберидзе совпали с бурными временами Октябрьской революции. Закончив историко-филологический факультет Петербургского университета вместе с Русудан Микеладзе и Любой Бехтеревой, она работает в Совете рабочих и солдатских депутатов. Впоследствии отправляется в Европу, где принимает участие в организации Третьего Интернационала.

Потом Москва. Учеба в экспериментальной мастерской у Всеволода Мейерхольда, работа в театре с Котэ Марджанишвили.

— Как работалось с Марджанишвили? — переспрашивает Елена Давидовна. — И очень трудно, и очень хорошо... Этот человек освободил грузинский театр от старых канонов и штампов. Он много давал нам, своим коллегам, но и требовал от нас такой же самоотдачи, очень болезненно переживал разнотушие, лень.

— Известно, что, работая с Марджанишвили, вы поставили три спектакля по пьесам Ш. Дадiani и А. Кутатели...

— И все-таки я не могу, положив руку на сердце, сказать, что я—единственный автор этих постановок,—вдруг горячо, чуть волнуясь, начала Елена Давидовна. — Ведь все мы, ученики Марджанишвили, находились под его огромным влиянием. Он не только учил нас, помогал нам, но всегда был сам создателем спектакля. И хотя на пожелтевших от времени афишах рядом с названием и автором пьес стоит фамилия режиссера Гогоберидзе, я, не краснея, могу сказать, что это постановки и марджановские тоже.

Вот уже более часа я беседую с Еленой Давидовной. Какая у нее яркая и интересная жизнь, сколько успела она сделать, думаю я. И все никак не могу задать вопрос, подготовленный мною заранее и подчеркнутый жирной линией в блокноте. Вопрос стандартный и все-таки необходимый, ведь именно он привел меня сюда.

— Когда и как возникла у вас мысль заняться переводами?

— Совершенно случайно,—улыбается она,—Александр Кутатели попросил меня перевести на русский язык одно из его произведений. Я попробовала. Смотрю, получается. И тогда я решила познакомить своих русских друзей поближе с грузинской литературой. Так я начала переводить.

— В своей работе,—продолжает Елена Давидовна,—я пыталась достичь того, чтобы перевод давал максимально точное представление об оригинале. Сделать это чрезвычайно трудно. Мало знать язык подлинника и язык, на который ты переводишь. Нужно постичь «душу» и «сердце» этих языков и народов тоже.

Вот такой пример — так называемая рубленая, четкая и лаконичная проза Сулхана Саба Орбелиани звучит сиротливо на русском. И тогда пришлось обратиться за помощью к вспомогательным словам, вставкам. И наоборот—Казбеги пришлось чуть приземлить. Яркая цветистость речи не свойственна русскому языку. Да, перевод — искусство кропотливое. Переводить нужно то, что созвучно душе переводчика, его раздумьям и эстетическим нормам...

Я разглядываю корешки книг, переведенных ею. — И. Чавчавадзе и А. Церетели, Н. Лордкипанидзе и Э. Ниношвили, Л. Кначели и А. Казбеги...

В соавторстве с Лундбергом Л. Гогоберидзе написала первую монографию о Важа Пшавела, которая была несколько раз переиздана на русском языке, а сейчас выходит в свет в издательстве «Сабчота Сакартвело».

Может быть, можно уже и отдохнуть, уйти от работы? Что она думает сама по этому поводу?

— Никаких переводов, читаю только для души, — ответила Елена Давидовна мне так, словно пыталась уговорить себя, и безнадежно махнула рукой. Это был жест человека который, конечно же, опять пойдет в поиск...

Т. КЕСАНАШВИЛИ.